

ОТЕЧЕСТВО ВЪ
ОПАСНОСТИ.

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 45 К. И НА СТ. 50 К.
РОЗН. ПРОДАЖЬ ЖЕЛ. ДОР.

306
1917
НОВЫЙ
САТИРИКОН

№ 37

ОКТАБРЬ. 1917

Рис. В. Лебедева.

БОЛЬШАЯ НАГРУЗКА.

Керенский (со стономъ): — Эхъ, птица-тройка! Кто тебя выдумалъ!?

Рис. А. Радакова.

ВОПЛЬ НА НЕВСКОМЪ.

Столица, вѣришь или нѣтъ
Тобой исторгнутому крику?..
Полузадушенный поэтъ,
Я рву февральскую гвоздику...

Въ тѣ дни я съ вышки чердака
Свалился внизъ въ котель панели.
Впервые царская рѣка
Вѣрна бунтарской цитадели.

Надъ хищной крѣпостью Петра,
Поправъ покойниковъ державу,
Цвѣтъ революціи съ утра
Возсталъ — ликующій и правый...

Я чудомъ сердце раздробилъ
На сотни свѣтлыхъ воскресеній...
Столица, я съ тобой бродилъ
По лужамъ марта, въ часъ весенній...

Ты обманула, ты ушла,
Исчезла въ призрачномъ апрѣлѣ,
Меня съ собой не позвала,
Безстыдно бросивъ на панели...

Пришла другая въ пыльный день,
Пьяна, съ подсолнухомъ въ подолѣ,
Какъ дѣвка взвизгнула: «раздѣнь»,
Покорная нечистой волѣ...

Ослабилась прогнившимъ ртомъ
На кумачевыя знамена,
Качнула прузнымъ животомъ
И сплонула на бархатъ трона.

Гляжу въ глаза имъ, льну къ рѣчамъ,
Бѣгу въ подъѣзды за отвѣтомъ...
Не отомкнуть моимъ ключамъ
Того, что бьется подъ жилетомъ...

Столица, вѣришь или нѣтъ
Тобой исторгнутому крику?..
Полузадушенный поэтъ,
Я рву февральскую гвоздику...

Вдоль гулкихъ, каменныхъ просѣкъ,
Туда, гдѣ дышитъ мяса груди,
Проклятье гонить человѣкъ
Мечтѣ растерзаннаго чуда...

Александръ Флитъ.

О КОЛО МИРА.

Фельетонъ Ар. Бухова.

Почти всѣ историки утверждаютъ, что всякому заключенію мира должна предшествовать война. До тѣхъ поръ, пока люди бѣгали въ звѣриныхъ шкурахъ, питались сырымъ мясомъ, незрѣлыми фруктами и, не боясь холеры, пили сырую воду, миръ быть возможенъ самостоятельно, но съ того времени, когда шкура была замѣнена фраккомъ, фрукты — телячьей головкой тортю, а полосъ совѣсти — удачно вставленнымъ въ глазъ моноклемъ, миръ наступаетъ только послѣ войны.

Цивилизованное человѣчество еще не знаетъ ни одного случая, чтобы къ правительству одного народа пріѣхали представители другого правительства и ни съ того ни съ сего предложили бы:

— Знаете что? Давайте жить въ мирѣ. Хорошо, а? Это вызвало бы такую бурю негодованія, что, несмотря на международные договоры, послы были бы повѣшены, или объявлены бѣжавшими изъ водолѣбницы для душевно-больныхъ.

Больше того, правительство, которому внезапно предложили мирное содружество, срочно объявило бы мобилизацію арміи, видя во всемъ желаніе его надуть и внезапно упасть на его колоніи.

Поэтому-то въ мирное время, если два европейскихъ государства говорятъ о необходимости жить дружно, то подъ этимъ всегда подразумѣвается желаніе напасть на третье государство.

Въ то время, когда Каинъ убивалъ Авеля, это никакъ не называлось. Теперь это называется добрососѣдскими отношеніями. Черезъ тысячу лѣтъ это будетъ называться: «нравы и обычай дикихъ въ прошломъ тысячелѣтіи».

Такому состоянію умовъ въ Европѣ сильно способствуетъ дурная привычка отсылать миссіонеровъ къ неграмъ, китайцамъ и самоѣдамъ, а у себя дома оставлять просвѣщенныхъ людей, требующихъ хоть разъ въ пять лѣтъ солидной и хорошо обставленной рѣзни.

Миссіонеры обучаютъ негровъ грамотѣ, разъясняютъ имъ свѣтлые завѣты христіанства и ужасъ передъ пролитіемъ крови и докладываютъ у себя въ Европѣ, что паства просвѣщена. Послѣ этого на негровъ нападаютъ, называя эту неожиданность колониальной политикой.

Вотъ при такихъ основныхъ взглядахъ на истребленіе сосѣдей къ миру во время войны приступать бываетъ очень тяжело.

Объявляютъ войну дипломаты. Дѣлаютъ это они чрезвычайно охотно и быстро. Наиболѣе талантливые изъ нихъ — даже съ ручательствомъ на нѣсколько лѣтъ.

Самый процессъ объявленія войны носить явно плебейскій характеръ, напоминающій уходъ домашней прислуги.

Посоль приходитъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и, сдѣлавъ губы сердечкомъ, заявляетъ:

— Будетъ-съ. Пожалуйста паспортъ обратно.

Ему выдаютъ на руки паспортъ, но аттестатъ помѣщаютъ въ официальныхъ изданіяхъ, при чемъ если передовая статья начинается словами: «тупой, недалекій и алчный, какъ и вся его нація, уѣхавшій вчера посоль...» — послу обезпечено хорошее мѣсто, такъ какъ его правительство понимаетъ, что вся тупость его выражалась, навѣрное, только въ отстаиваніи національныхъ интересовъ. Если же объ уѣхавшемъ съ паспортномъ послѣ пишутъ полныя сожалѣнія строки, похожія на некрологъ о дамъ-благотворительницѣ, это значитъ, что посоль только игралъ въ шахматы, ухаживалъ за наѣздницами и рассказывалъ о своемъ правительствѣ длинные и неприличные анекдоты.

Объявивъ войну, дипломатъ чувствуетъ себя хозяиномъ положенія, бросается интервьюироваться, ходитъ сниматься для бесплатныхъ приложений къ газетамъ и говоритъ историческія фразы о врагѣ.

Поэтому дипломаты ужасно любятъ, когда заваривается такая каша. Только въ это время ихъ не грызетъ совѣсть, что они ничего не дѣлаютъ. Они прекрасно понимаютъ, что если бы въ одинъ прекрасный день человѣчество рѣшило бы не драться, имъ совершенно нечего было бы дѣлать, какъ пильщикамъ около лѣсопильнаго завода: сколько ни ухай и ни бѣгай съ большой пилой, все равно деревья будутъ пилить машина.

Закрываютъ миръ тоже дипломаты. Дѣлаютъ это они съ такой же охотой, съ какой человѣкъ, только что купившій хорошую обстановку, рубитъ ее большимъ топоромъ на дрова.

Во время мирныхъ конгрессовъ главнымъ образомъ считаются съ голосами дипломатовъ крупныхъ державъ. Бываетъ такъ, что Никарагуа или Либерія посылаетъ такихъ представителей, что нейтральныя государства, съ небольшими средствами, сразу приглашаютъ ихъ профессорами международного права, а крупныя государства делегируютъ такихъ острыхъ неудачниковъ, что они, освѣдомившись черезъ переводчика, какой въ городѣ лучший ресторанъ, ѣдутъ на все время засѣданій выѣдать лучшія національныя блюда. Но когда дѣло доходитъ до рѣшенія, то представителей Никарагуа и Либеріи отсылаютъ въ сосѣднюю комнату, а дипломатовъ крупныхъ державъ привозятъ изъ ресторана.

На мирныхъ конгрессахъ о дипломатахъ вообще говорятъ какъ о купеческихъ невѣстахъ:

— Оно, конечно, глазъ вытекъ и ноги пухнуть, да зато такихъ два домища за ней...

Такъ и о дипломатахъ:

— Кто? Онъ глупъ? Да за нимъ, батюшка, восемь миллионъ штыковъ...

Поэтому голосованіе происходитъ не поднятіемъ рукъ, а на счетахъ. Секретарь конгресса сидитъ въ сторонѣ и подсчитываетъ:

— За самостоятельность угнетенныхъ народовъ, — семнадцать миллионъ, сорокъ два дредноута, восемь крѣпостей... Противъ — тридцать шесть транспортовъ съ колониальной конницей въ пути и двѣ возможныхъ досрочныхъ призыва, сто девятнадцать подводныхъ лодокъ...

— Итого? — нетерпѣливо спрашиваетъ предсѣдатель.

— Ничего не выходитъ, — докладываетъ секретарь, — подводныя лодки перетянули. Никакихъ самостоятельныхъ.

Гдѣ же тутъ выслушивать мексиканскаго представителя съ двумя перекупленными на скорую руку броненосцами и сорока волонтерами.

Въ странѣ объявленіе мира вызываетъ самыя разнообразныя чувства и отклики.

Небольшая кучка людей, успѣвшихъ побывать въ пяти-шести бояхъ и попривыкнуть къ снарядамъ, радостно улыбается и добродушно одобряетъ:

— Ну и хорошо... Ну и ладно... Подрались и будетъ. Хорошаго помаленьку... Повоевали и довольно...

Но значительная часть населенія, удачно обзаведшаяся близорукостью, плоской стопой или грыжей и не менѣе удачно принимающая горячее участіе въ войнѣ на жуткихъ позиціяхъ далекаго тыла, встрѣчаетъ вѣсть о мирѣ взрывами буйнаго негодованія.

Столики кафе трещатъ отъ ударовъ по нимъ кулаками и палками. Веселые молодые голоса вопіютъ къ небу о мщени:

— Позоръ, позоръ... Заключать миръ! Какъ они смѣютъ!.. И это въ тотъ моментъ, когда еще семь-восемь лѣтъ національнаго порыва, и подлый врагъ быть бы...

Многіе изъ нихъ въ своемъ бѣшенномъ негодованіи доходятъ даже до того, что, узнавъ изъ официальныхъ источниковъ о заключеніи мира, толпами бѣгутъ записываться въ добровольцы.

Въ семьяхъ, жившихъ до этого момента тепло и дружно, начинаются тяжелѣйшія распри изъ-за государственныхъ границъ.

— Что? Отдать нашъ сѣверъ врагу? И это говоритъ человекъ, на которомъ я семнадцать лѣтъ тому назадъ такъ довѣрчиво женился?

— Отдать. Не надо мнѣ сѣвера, если еще три года...

— Ахъ, вотъ какъ... Сегодня ты отдаешь сѣверъ, завтра нашу обстановку, а послѣзавтра и своего когда-то любимаго мужа, который...

— Подавись своимъ сѣверомъ. Ёшь его.

— И буду. И съѣмъ. До тѣхъ поръ, пока грязная вражеская нога...

— И вражеской ногой подавись!

— Да ужъ тебѣ не уступлю! Да здравствуетъ вражеский... Впрочемъ, этого не надо. Ты до всего доведешь...

На улицахъ быстро организовываются районныя драки по поводу условій заключенія мира, при чемъ побѣжденная полчаса тому назадъ сторона скопляется въ другомъ мѣстѣ и устраиваетъ подрайонную, болѣе мелкую драку.

Крупные поставщики ходятъ мрачно по гостямъ и увѣряютъ случайныхъ знакомыхъ, что только насквозь прогнившая Европа можетъ ни съ того ни съ сего вдругъ перестать драться и перейти на мирное положеніе.

Послѣ объявленія мира, сейчасъ же начинается демобилизація арміи, — самое веселое, что можно сдѣлать съ любой арміей въ любое время.

Война сразу переносится съ фронта въ тылъ. Подъ напоромъ войскъ разнаго рода оружія быстро падаютъ, какъ вокзалы, такъ и самыя желѣзныя дороги, а во многихъ мѣстахъ и прилегающіе къ нимъ города. Съѣстные продукты послѣ недолгаго сопротивленія берутся въ плѣнъ и безслѣдно уничтожаются. Опытные въ военномъ дѣлѣ города умѣло высылаютъ ударныя отряды изъ хлѣба, овощей и мяса, которые задерживаютъ наступающую армію на короткій промежутокъ времени, въ теченіе котораго городъ объявляется на положеніи голодающаго, и врагъ самъ плочетъ на него, сворачивая въ сторону.

Молодожены, иностранцы, скучающіе рантье и вообще

неосторожные люди, предпринявшіе въ это время увеселительныя поѣздки по желѣзнымъ дорогамъ, объявляются стоящими внѣ закона, и государство за нихъ не отвѣчаетъ. Впрочемъ, иногда ихъ удается найти въ живыхъ. Иностранныя газеты печатаютъ ихъ портреты въ отдѣлѣ смѣси съ краткими статьями редакціонныхъ профессоровъ о рѣдкой выносливости человѣческаго организма.

А черезъ пять недѣль послѣ наступленія мира въ страну прибываютъ первыя партіи бывшихъ враговъ, и начинается беспощадная борьба съ ними.

Десять первыхъ враговъ, чаще всего комиссіонеровъ крупныхъ фирмъ, поселяются въ скромной столичной гостиницѣ. Возмущенная администрація требуетъ ихъ перевода въ лучшую гостиницу, гдѣ за ними легче слѣдить.

Бывшіе враги, чувствуя подозрительное къ себѣ отношеніе, безропотно переѣзжаютъ.

На другой день враги начинаютъ прицѣпываться къ самому крупному предпріятію.

— Ага... Фабрику хотятъ скупить, чтобы потомъ бетонныя площадки выстроить для орудій, — рѣшаетъ возмущенное населеніе, — надо настоять, чтобы безо всякой торговли имъ продали. Пусть лучше правительство за нихъ хозяйствомъ доплатитъ. По крайней мѣрѣ будетъ извѣстно, гдѣ они свои штучки выстраивать будутъ...

Черезъ двѣ недѣли враговъ прибываетъ еще десять партій. Ихъ нарасхватъ стараются затащить къ себѣ, чтобы не давать имъ гулять на свободѣ и снимать планы крѣпостей.

— Конечно, крѣпостей въ нашемъ городѣ нѣтъ, да это имъ не указъ... Съ чего другого сниметъ... Ему бы лишь планъ захватить... А вотъ какъ позову я къ себѣ одного-другого, да какъ накормлю его, да какъ напою его, да какъ оставлю его ночевать у себя — посмотримъ, какъ онъ тогда планъ сниметъ... Онъ у меня не вырвется...

Мало-по-малу предприимчивые люди и сами начинаютъ дѣлать набѣги на земли бывшихъ враговъ.

— А вотъ посмотримъ-ка, что ихъ правительство скажетъ, если мы всей семьей на этотъ самый курортъ поѣдемъ... Я имъ покажу этимъ нищимъ чертямъ, какъ нашъ братъ платитъ умѣть... Пусть лопаются отъ зависти...

Это значитъ, что миръ наступилъ.

Арк. Буховъ.

Рис. В. Лебедева.

НОВАЯ ОПАСНОСТЬ.

— По полфунта хлѣба стали давать... Идешь и боишься, какъ бы воробей весь хлѣбъ изъ рукъ не вырвалъ!..

Р. Реми

К О Н К У Р Е Н Ц И Я .

За последнее время некоторые матросы стали показываться на улицах в одежде подчеркнуто-изысканного покроя, с голой декольтированной шеей.

Она: — Смотри-ка! Еще немного, и мы будем одеты совсем одинаково.

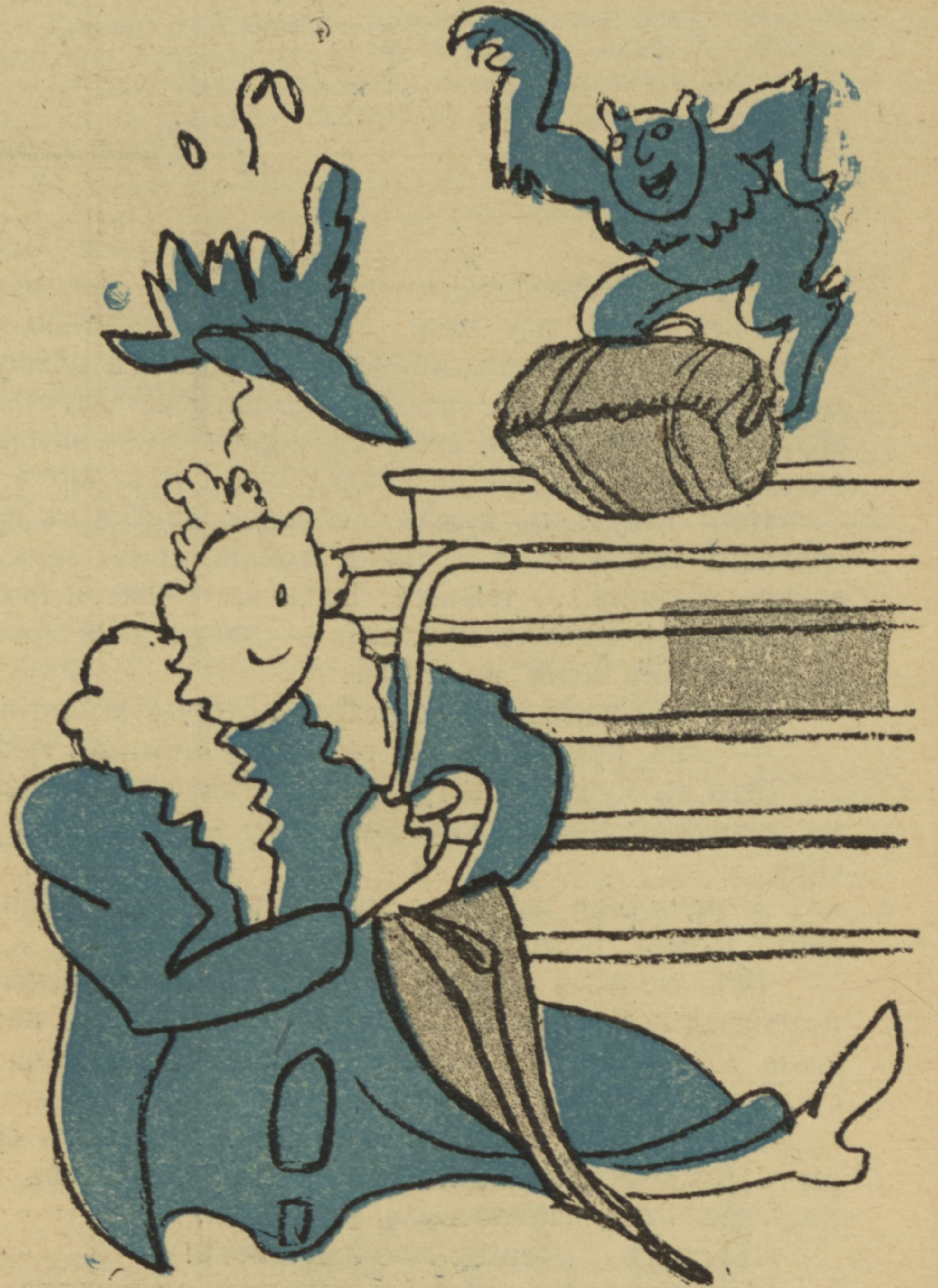
ИСТОРИЯ ЦЕНЗУРНОЙ ТЕЩИ.

Районный с. р. и с. д. Выборгского района запретил газетчикам продавать буржуазные сатирические журналы.

Рис. Б. Антоновскаго.

1) Когда, 9 лѣтъ тому назадъ, „Сатириконъ“ только что основался — цензоръ привелъ къ намъ тещу и сказалъ: — Вотъ вамъ! Можете писать только о ней — больше ни о чемъ.

2) 28 февраля 1917 года мы радостно спустили тещу съ лѣстницы...
Казалось навсегда.

3) Но нѣтъ! Недавно мы снова увидѣли старую знакомую...
Привелъ ее сознательный пролетарій и сказалъ: — Вотъ вамъ! И больше штобы — ни о чемъ!

4) И теперь мы можемъ писать вотъ о чемъ:
1-й: — Слышали? Новая желѣзнодорожная катастрофа!
2-й: — А что такое?
1-й: — Теща ко мнѣ по желѣзной дорогѣ приѣхала.
Оба: — Ха ха-ха! Хо хо-хо!

ДУШИСТАЯ ГВОЗДИКА.

А. кадія Аверченко.

Посвящаю другу — Изъ Кремеръ.

I.

Иду по грязной слякотной, покрытой разнымъ соромъ и дрянью улицѣ, иду злой, бѣшенный, какъ цѣпная собака. Сумасшедшій петроградскій вѣтеръ срываетъ шляпу, приходится придерживать ее рукой. Рука затекаетъ и стынетъ отъ вѣтра; я дѣлаю еще злѣе. За воротникъ попадаютъ тучи мелкихъ гнилыхъ капель дождя, чтобъ ихъ чортъ побралъ!

Ноги тонуть въ лужахъ, образовавшихся въ выбоинахъ дряхлаго тротуара, а ботинки тонкіе, грязь просачивается внутрь ботинка... такъ-съ! Вотъ вамъ уже и насморкъ.

Мимо мелькаютъ прохожіе — звѣри! Они норовятъ задѣть плечомъ меня, я — ихъ.

Я ловлю взгляды исподлобья, которые ясно говорятъ:

— Эхъ, приложить бы тебя затылкомъ въ грязь!

Что ни мужчина встрѣчный, то Малюта Скуратовъ, что ни женщина, промелькнувшая мимо — Маріанна Скублинская.

А меня они, навѣрное, считаютъ сыномъ убійцы президента Карно. Ясно вижу.

Всѣ скудныя краски смѣшались на нищенски бѣдной петроградской палитрѣ въ одно грязное сѣрое пятно, даже яркіе тона вывѣсокъ погасли, слились съ мокрыми ржавыми стѣнами сырыхъ угрюмыхъ домовъ.

А тротуаръ! Боже ты мой! Нога скользитъ среди мокрыхъ грязныхъ бумажекъ, окурковъ, огрызковъ яблокъ и раздавленныхъ папиросныхъ коробокъ.

И вдругъ... сердце мое замираетъ!

Какъ нарочно: посреди грязнаго зловоннаго тротуара, яркимъ трехкрасочнымъ пятномъ сверкнули три обрѣзанные кѣмъ-то гвоздики, три дѣвственно чистыхъ цвѣтка: темно-красный, снѣжно-бѣлый и желтый. Кудрявые пышныя головки совсѣмъ не запятнаны грязью, всѣ три цвѣтка счастливо упали верхней частью стеблей на широкую папиросную коробку, брошенную прохожимъ курильщикомъ.

О, будь благословенъ тотъ, кто уронилъ эти цвѣты, онъ сдѣлалъ меня счастливымъ.

Вѣтеръ уже не такъ жестокъ, дождь потеплѣлъ, грязь... ну что жъ, грязь когда-нибудь высохнетъ; и въ сердцѣ рождается робкая надежда: вѣдь увижу я еще голубое жаркое небо, услышу птичье щебетанье, и ласковый майскій вѣтерокъ донесетъ до меня сладкій аромать степныхъ травъ.

Три кудрявыхъ гвоздики!

* * *

Надо мнѣ признаться, что изъ всѣхъ цвѣтовъ я люблю больше всего гвоздику; а изъ всѣхъ человѣковъ милѣй всего моему сердцу дѣти.

Можетъ быть, именно поэтому мои мысли переѣхали съ гвоздики на дѣтей, и на юдну минуту я отождествилъ эти три кудрявыхъ головки: темно-красную, снѣжно-бѣлую и желтую — съ тремя иными головками.

Можетъ быть, все можетъ быть.

Сижу я сейчасъ за письменнымъ столомъ, и что же я дѣлаю? Большой взрослый сентиментальный дуракъ! Поставилъ въ хрустальный бокалъ три найденныя на улицѣ гвоздики, смотрю на нихъ и задумчиво, разсѣянно улыбаюсь.

Сейчасъ только поймалъ себя на этомъ.

Вспоминаются мнѣ три знакомыхъ дѣвочки... Читатель, наклонись ко мнѣ ближе, я тебѣ на ухо расскажу объ этихъ маленькихъ дѣвочкахъ... Громко нельзя, стыдно. Вѣдь мы съ тобой уже большіе, и неподходящее дѣло громко говорить намъ съ тобой о пустякахъ.

А шопотомъ, на ухо — можно.

II.

Знавалъ я одну крохотную дѣвочку Ленку.

Однажды, когда мы, большіе жестоковѣрные люди сидѣли за обѣденнымъ столомъ, мама чѣмъ-то больно обидѣла дѣвочку.

Дѣвочка промолчала, но опустила голову, опустила рѣсницы и, пошатываясь отъ горя, вышла изъ-за стола.

— Посмотримъ, — шепнулъ я матери, — что она будетъ дѣлать?

Горемычная Ленка рѣшилась, оказывается, на огромный шагъ: она вздумала уйти изъ родительскаго дома.

Пошла въ свою комнатенку и, сопя, принялась за сборы: разостлала на кровати свой темный байковый платокъ, положила въ него двѣ рубашки, панталончики, сблмокъ шоколада, росписной переплетъ, сторванный отъ какой-то книжки и мѣдное колечко съ бутылочнымъ изумрудомъ...

Все это аккуратно связала въ узелъ, вздохнула тяжело и съ горестно опущенной головой, вышла изъ дому.

Она уже благополучно добралась до калитки и даже вышла за калитку, но тутъ ее ожидало самое страшное, самое неодолимое препятствіе: въ десяти шагахъ отъ воротъ лежала большая темная собака.

У дѣвочки достало присутствія духа и самолюбія, чтобы не закричать... Она только юперлась плечомъ о скамейку, стоящую у воротъ, и принялась равнодушно глядѣть совсѣмъ въ другую сторону, съ такимъ видомъ, будто бы ей нѣтъ дѣла ни до одной собаки въ мірѣ, а вышла она за ворота просто подышать свѣжимъ воздухомъ.

Долго такъ стояла она, крохотная, съ великой обидой въ сердцѣ, не знающая — что предпринять...

Я высунулъ голову изъ-за забора и участливо спросилъ:

— Ты чего тутъ стоишь, Ленка?

— Такъ себѣ, стою.

— Ты, можетъ быть, собаки боишься; не бойся, она не кусается. Иди, куда хотѣла.

— Я еще сейчасъ не пойду, — опустивъ голову, пролепетала дѣвочка. — Я еще постою.

— Что жъ ты думаешь еще долго тутъ стоять?

— Я вотъ еще подожду.

— Да чего жъ ждать-то?

— Вотъ вырасту немножко, тогда ужъ не буду бояться собачки, тогда ужъ пойду...

Изъ-за забора выглянула и мать.

— Это вы куда же собрались, Елена Николаевна?

Ленка дернула плечомъ и отвернулась.

— Недалеко же ты ушла, — съязвила мать.

Ленка подняла на нее огромные глаза, наполненные цѣлымъ озеромъ не вылившихся слезъ, и серьезно сказала:

— Ты не думай, что я тебя простила. Я еще подожду, а потомъ и пойду.

— Чего жъ ты будешь ждать?

— Когда мнѣ будетъ четырнадцать лѣтъ.

Насколько я помню, въ тотъ моментъ ей было всего 6 лѣтъ. Восьми лѣтъ ожиданія у калитки она не выдержала. Ея хватило на меньшее — всего на 8 минутъ.

Но, Боже мой! Развѣ знаемъ мы, что пережила она въ эти 8 минутъ?!

* * *

Другая дѣвочка отличалась тѣмъ, что превыше всего ставила авторитетъ старшихъ...

Что ни дѣлалось старшими, въ ея глазахъ все было свято.

Однажды ея братъ, весьма разсѣянный юноша, сидя въ креслѣ, погрузился въ чтеніе какой-то интересной книги такъ, что забылъ все на свѣтѣ... Курилъ одну папиросу за другой, бросалъ окурки, куда попало, и, лихорадочно разрѣзывая книгу ладонью руки, пребывалъ всецѣло во власти колдовскихъ очарованій автора.

Моя пятилѣтняя пріятельница долго бродила вокругъ да около брата, испытующе поглядывая на него, и все собиралась о чемъ-то спросить, и все не рѣшалась.

Наконецъ собралась съ духомъ. Начала робко, выставивъ голову изъ складокъ плюшевой скатерти, куда она въ силу природной деликатности спряталась:

— Данила, а Данила?..

— Отстань, не мѣшай, — разсѣянно пробормоталъ Данила, пожирая глазами книгу.

И опять томительное молчаніе... И опять деликатный ребенокъ робко закружился вокругъ кресла брата.

— Чего ты тутъ вертишься? Уходи.

Дѣвочка кротко вздохнула, подошла бочкомъ къ брату и опять начала:

— Данила, а Данила?

— Ну, что тебѣ?! Ну, говори!!

— Данила, а Данила... Это такъ надо, чтобы кресло горѣло?

Умилительное дитя! Сколько уваженія къ авторитету взрослыхъ должно быть въ головѣ этой крошки, чтобы она, видя горящую паклю въ креслѣ, подожженномъ разсѣяннѣмъ братомъ, все еще сомнѣвалась: а вдругъ это нужно брату изъ какихъ-нибудь высшихъ соображеній?..

* * *

О третьей дѣвочкѣ мнѣ рассказывала умиленная нянька:

— До чего это заковыристый ребенокъ и представить себѣ невозможно... Укладываю я ее съ братомъ спать, а допрежь того поставила на молитву: «Молитесь, молѣ, ребята!» И что жъ вы думаете? Братишка молится, а она, Любочка, значить, стоитъ и ждетъ чего-то... «А ты, говорю, чего жъ не молишься, чего ждешь?» — «А какъ же, говорить, я буду молиться, когда Боря уже молится? Вѣдь Богъ сейчасъ его слушаетъ... Не могу же я тоже лѣзть, когда Богъ сейчасъ Борей занятъ!»

* * *

Милая благоуханная гвоздика!

Моя была бы воля, я бы только дѣтей и признавалъ за людей.

Какъ человекъ перешагнулъ за дѣтскій возрастъ, такъ ему камень на шею да въ воду.

Потому взрослый человекъ почти сплошь — мерзавецъ...

Аркадій Аверченко.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Мы уважаемъ эсъ-эровскую аграрную программу, когда она разрабатывается дѣловой прозой съ хорошо проверенными цифрами, но когда „Дѣло Народа“ помѣщаетъ такіе стихи Сергѣя Есенина о мужицкихъ чаяніяхъ:

*Дрогнулъ лѣсъ зеленый,
Закипѣлъ родникъ.
Здравствуй, обновленный,
Отчарь, мой, мужикъ!
Голубья воды —
Твой покой и свѣтъ,
Радостный свободы,
Въ этомъ мѣрѣ нѣтъ.*

Мы отказываемся вѣрить глазамъ. Неужели мужику только голубья воды нужны? Жить онъ безъ нихъ не можетъ...

А дальше, тотъ же поэтъ обращается къ крестьянину съ еще болѣе страннымъ предложеніемъ:

О Чудотворецъ!

*Широкоскулый и красноротый,
Пріявшій въ корузлыя руки*

*Младенца нѣжнаго, —
Укачай мою душу*

На пальцахъ ногъ своихъ!

Смѣемъ увѣрить, что въ качествѣ просьбы такое обращеніе, какъ „широкоскулый и красноротый“, не принято даже среди трудового крестьянства.

Еще менѣе принято во всѣхъ слояхъ общества укачивать чужую душу, даже младенческую, на пальцахъ ногъ. У ногъ есть другое, болѣе скромное назначеніе.

* * *

Собрался Акимъ Волинскій написать статью „Смерть Пушкина“ и рѣшилъ, что называется, взглянуть въ корень.

‘Отчего умеръ Пушкинъ?’

Изь-за жены. Почему? Ухаживали за ней молодые люди. Почему ухаживали? Грудь у нея была красивая.

— Ахъ, грудь была красивая, — намоталъ себѣ на усъ Волинскій. — Разберемъ же, что такое грудь, вообще, и грудь Натальи Николаевны въ частности.

И начинается Акимъ:

Нормальный мужчина, всегда нѣсколько щедущный, влечется къ женщинѣ корпулентной. Отсюда женщины съ развитымъ бюстомъ, только что выйдя на путь романтическихъ приключеній, необычайно быстро становятся магнитомъ для безчисленнаго множества поклонниковъ.

Читатель стыдливо отмахивается отъ Акима:

— Ну, что вы такое говорите — постыдились бы.

Но Акимъ не такой! Акимъ до конца выскажетъ то, что у него закипѣло:

Органъ анатомическій, имѣющій въ физиологическомъ значеніи вторичнаго полового признака, женская грудь, мѣняетъ свою кон-

струкцію въ разныхъ странахъ свѣта. Структура ея зависитъ, если стать въ этомъ вопросѣ на точку зрѣнія реальную, отъ пищевого режима новорожденного ребенка. Въ сѣверныхъ странахъ грудныя железы у женщинъ получаютъ особенное развитіе за отсутствіемъ растительныхъ суррогатовъ и даже тѣхъ млекопитающихъ, которыя могли бы доставить младенцу соответствующую пищу. Вотъ почему въ Россіи, напримѣръ, идеалъ женской красоты непременно связанъ съ представленіемъ о замѣтно выдающемся бюстѣ (!).

... По римскимъ понятіямъ, грудь женщины эстетически хороша лишь въ томъ случаѣ, если она цѣликомъ можетъ быть покрыта ладонью руки.

Акимъ, помилосердствуйте! — стонетъ читатель. — Оставьте эти способы и изысканія при себѣ!

Но — мало же знаете вы Акима!

Онъ мужественно продолжаетъ:

Вообще античная грудь мала и упруга, съ розовымъ несмятымъ соскомъ. При правильномъ развитіи общаго подкожнаго жира она не образуетъ складки пазухи. Ровное безъ тѣней крѣпкое тѣло простерто между бѣлыми голубками. За сосками округленныя части корпуса круто заворачиваются назадъ по направленію къ спинѣ.

„Слава Богу, думаетъ читатель. — Заговорился Акимъ и забылъ о женѣ Пушкина. Хорошо, что ее-то оставилъ въ покоѣ“.

Но не такой человекъ Акимъ, чтобы не вернуться къ первоисточнику:

И съ точки зрѣнія греческой или египетской пластики большія молочныя железы Натальи Николаевны Пушкиной можно было бы признать только вульгарными.

А не приходило въ голову ретивому Акиму: какъ бы поблагодарилъ его Пушкинъ, если бы былъ живъ, за эти теплыя слова о дорогомъ для Пушкина человекѣ...

НЕУМѢСТНАЯ РОСКОШЬ.

— Господи! Теперь и человекъ-то въ сапогахъ увидѣтъ рѣдкость, а тутъ на тебѣ! На ката тратятся!

И. Рейм

ЦАРЬ-ГОЛОДЪ.

Тронъ почти никогда не остается незанятымъ...

1. — Хлѣба! — сказалъ петроградецъ.
— У насъ болѣе важные вопросы, — отвѣтилъ думскій товарищъ и выслалъ петроградцу резолюцію объ отмѣнѣ смертной казни.

2. — Хлѣба!! — завопилъ петроградецъ, шелкая зубами отъ голода.
— Хогошо! — нетерпѣливо отвѣтилъ думскій товарищъ и вынесъ резолюцію о восстановленіи Третьяго Интернаціонала.

3. — Хлѣ-ѣба!!! — стоналъ угасающимъ голосомъ петроградецъ.
— Подождите. — сухо проговорилъ думскій товарищъ и вынесъ постановленіе о выраженіи недоувѣрія англійскимъ имперіалистамъ.

4. Черезъ годъ. — Ну, кто тутъ хлѣба просилъ? Вы, что ли? Гм! Молчите. Ну, разъ молчите, значить все благополучно!..

Рис. В. Л.

ХАМЕЛЕОНЪ.

РОДИТЕЛЬСКІЕ ОСТАНКИ.

Котенокъ (увидѣвъ, что господинъ ѣсть въ ресторанѣ какую-то котлетку, всталъ на заднія лапки и запѣлъ изъ „Жизни за царя“):

— Какъ ма-а-ать убили!..

КАКЪ УМИРАЮТЪ.

Стремительно войдя въ кафе, онъ сѣлъ за столъ и крикнулъ:

— Ради Бога, скорѣе дайте ѣсть! Умираю отъ голода. Карту!..

— Акромя кофе ничего нѣтъ, — вяло сказалъ старикъ-лакей.

— Не можетъ быть! А-я-яй!.. Ну, нечего дѣлать. Давайте кофе и хлѣба съ масломъ.

— Хлѣба съ масломъ тоже нѣтъ.

— Ну, хорошо. Дайте одно кофе. Только скорѣе, умоляю васъ.

— Кофе будетъ черное, — безстрастно, какъ рокъ, сказалъ лакей. — Съ медомъ.

— Давай, старикъ, давай!..

Лакей ушелъ. А онъ, нервно потирая руки, осмотрѣлъ пустое кафе.

«Какъ въ пустынь! — подумалъ онъ. — Не любятъ черное кофе. Ничего, кофе съ медомъ все-таки питательно...»

— Извините, ни кофе, ни меду нѣтъ, — сказалъ, войдя, лакей. — Послѣдній стаканъ хозяинъ выпили.

Онъ вздохнулъ и задумался.

— Вотъ что!.. Дайте мнѣ стаканъ кипятку. У меня есть карамелька, выпью хоть кипяточку.

— Кипятокъ вылили уже въ бакъ съ грязной посудой.

Онъ засмѣялся.

— Ну, а холодная вода есть?

— Кипяченой холодной нѣтъ, а сырую запрещено подавать.

— Вздоръ! Никто не узнаетъ. Дайте стаканъ!

Лакей подалъ бокалъ воды.

Онъ положилъ карамельку въ ротъ и жадно выпилъ воду.

— Прекрасная вода! — сказалъ онъ съ улыбкой.

— Абнаковенная. Сподъ крана.

— Нѣтъ, въ ней, знаете ли, что-то есть...

— Ничего, господинъ, нѣту, ничего, — вздохнулъ старикъ. — Самъ наливалъ.

— Н-да... Сколько съ меня?

— Помилуйте, вода у насъ бесплатно!..

— Ну, вотъ вамъ!..

Онъ сунулъ лакею рублевку.

— Чаевыхъ не полагается.

— Это не чаевыя. Это... Это... Ну, однимъ словомъ, не говорите никому, что я пилъ сырую воду. До свиданія.

Онъ быстро вышелъ. Завернувъ за уголъ, онъ аккуратно разостлалъ у воротъ носовой платокъ, легъ на него и... умеръ.

Не отъ сырой воды, а отъ голода.

Николай Бреневъ (В. Черный.)

Во дни разгула псалмопѣннй,
Патріотически горя,
Съ толпой я падалъ на колѣни
Передъ особою царя.
У оконъ сербскаго посольства
Студентовъ за ноги держалъ,
Рыдалъ отъ жгучаго довольства
И ревомъ чувства выражалъ.
Объять безуміемъ повальнымъ,
Вертѣлся и жужжалъ волчкомъ,
Украшивъ грудь національнымъ
Трехцвѣтнымъ (въ 6 вершковъ) значкомъ.

Во дни сниманья пулеметовъ
Съ разоблаченныхъ чердаковъ
Изъ стана царскихъ патріотовъ
Я прыгнулъ въ станъ... большевиковъ.
Подъ необъятнымъ краснымъ флагомъ
(«То наша кровь горитъ на немъ!»)
Столицу мѣрилъ тяжкимъ шагомъ,
Снѣдаемъ внутреннимъ огнемъ.
Развязной черни строилъ глазки
(«Во тьмѣ гноили насъ; за что?!»)
И жегъ остроги и участки,
Съ багровымъ бантомъ на пальто.

В. Князевъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Исторія головы.

За послѣднее время мы читали очень много обращеній къ уму и сердцу русскаго гражданина, но не было еще болѣе отчаяннаго вопля души человѣческой, чѣмъ обращеніе севастопольскаго городского головы, появившееся какъ газетное объявленіе:

Городской голова

А. С. Никоновъ

просить гражданъ Севастополя оказать ему содѣйствіе въ присканіи квартиры, или хотя бы 2—3-хъ меблированныхъ комнатъ. Иначе остается на улицѣ.

До какой степени идеально поставлено выборное начало въ Севастополь: повидимому, въ гласные думы можетъ попасть не только комнатный или угловой жилецъ, но даже человѣкъ, нигдѣ вообще не живущій...

Театральная хроника.

Въ томъ же Севастополь комендантомъ былъ изданъ приказъ, который въ состояніи отворить отъ театра публику вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ даже пьесы Арцыбашева.

Въ дополненіе къ § 3 приказа коменданта крѣпости отъ 24 іюля с. г. за № 31 предписываю устроителямъ всякаго рода вечеровъ, спектаклей, баловъ и т. п. публичныхъ развлеченій за 24 часа до начала таковыхъ присылать афишу и программу начальнику охраны города. На афишѣ и программѣ должно быть указано, что въ случаѣ спектакль затянется позже часа ночи, то посѣтителей, не имѣющихъ соответствующихъ документовъ на право хожденія ночью по улицамъ города, но желающіе остаться до конца вечера, обяжутся до 9 часовъ утра не покидать помѣщенія, въ коемъ они находятся.

Для лицъ, желающихъ нарушить обѣтъ супружеской вѣрности и покрыть это солиднымъ мракомъ неизвѣстности, вышеупомянутый приказъ — настоящее откровеніе. Право вернуться въ пять часовъ утра и сказать, что былъ въ театрѣ — завидное право...

На всякій случай.

Одинъ довольно уже пожилой петербургскій еженедѣльникъ объявляетъ въ числѣ другихъ премій на 1918 годъ и такую:

Марсельеза.

цѣнный, художественной работы портфель-альбомъ,
въ память русской революціи 1917 г.,

съ приложеніемъ революціонныхъ, литературныхъ и музыкальныхъ произведеній для концертовъ-митинговъ, съ изящными открытыми письмами и коллекціей, украшенной многокрасочными орнаментами художественной бумаги для писемъ.

Жаль, что еще нѣтъ выкроекъ революціонныхъ осеннихъ манто и зимнихъ контръ революціонныхъ туалетовъ для выхода молодыхъ дамъ изъ дома.

Жуткое преимущество.

Какъ сообщаютъ газеты:

министерство финансовъ признало необходимымъ снабдить кассы Г. банка запасомъ особыхъ денежныхъ знаковъ упрощеннаго типа, которые въ экстренныхъ случаяхъ могутъ быть выпускаемы въ обращеніе взаменъ кредитныхъ билетовъ въ предѣлахъ эмиссіоннаго права.

По внѣшнему виду и формату эти знаки будутъ имѣть сходство съ консульскими марками 10-рублевого достоинства. Главное преимущество ихъ въ томъ, что они могутъ быть быстро изготовлены въ большомъ количествѣ.

Что касается насъ, то мы увѣрены, что и прежнія деньги наши страдали этимъ же преимуществомъ. Особенно хвалиться нечѣмъ.

Подрайонная самостоятельность.

На-дняхъ состоялось собраніе петербургской милиціи, которая потребовала:

сверхъ экономическихъ требованій необходимости разработки новаго положенія о милиціи на основахъ незыблемости выборнаго начала старшихъ чиновъ милиціи и полной независимости ея отъ м-ва вн. дѣлъ, равно и участія представителей отъ рядовыхъ милиціонеровъ въ центральныхъ органахъ милиціи.

Интересно, какое же министерство вмѣсто м-ва внутреннихъ дѣлъ выберетъ себѣ милицію. Думаемъ, что — министерство финансовъ. Потому — жалованье-то получать надо, несмотря на всю „независимость“ „незыблемость“ и прочія хорошія слова...

Облетѣли цвѣты...

Повидимому, эпоху войны амазонокъ воскресить трудно даже въ нашей дѣйствительности. По крайней мѣрѣ, судя по газетамъ

въ московскомъ женскомъ батальонѣ полный развалъ.

Инициатива созданія женскихъ батальоновъ, прапорщикъ Бочкарева, пришла къ мысли о необходимости расформировать московскій батальонъ, выдѣливъ изъ него годныхъ для фронта волонтерокъ и распустивъ остальныхъ по домамъ.

Прапорщикъ Бочкарева выбрала изъ солдатъ батальона 250 дѣвушекъ, которыя должны были маршевымъ порядкомъ отправиться на фронтъ для пополненія находящихся тамъ женскихъ воинскихъ частей.

Недовольныя прапорщикомъ Бочкаревой волонтерки устроили въ казармахъ митингъ, окончившійся избіеніемъ самой Бочкаревой. Бочкареву съ трудомъ спасли отъ самосуда солдаты квартирующаго въ Хамовникахъ N запаснаго полка.

Формально батальонъ будетъ расформированъ въ ближайшіе же дни по уходѣ на фронтъ уже выдѣленной маршевой роты, и дальнѣйшій пріемъ волонтерокъ въ московскій батальонъ будетъ прекращенъ.

Намъ тоже думается, что женскій вопросъ въ Россіи долженъ былъ разрѣшиться не въ этомъ направленіи.

Затосковали.

Г-жа Кускова рассказывала на московскомъ кооперативномъ съѣздѣ:

Крестьяне Казанской губ. говорятъ: намъ хотя бы какого-нибудь царішку дали до Учредит. Собранія.

Скромное, трогательное желаніе: не цѣлаго большого царя, а такъ себѣ — пустяковаго царішку... Лишь бы до Учредительнаго дотянуть. А тамъ — расчетъ въ зубы и маршъ царішка на всѣ четыре сторонишки.

Городъ воровъ.

У петроградцевъ мечтанія о власти еще скромнѣе: имъ бы даже не царішку, а хорошаго полицеймейстеришку, да десяточекъ приставишекъ, да тыщенку городовишекъ.

Въ самомъ дѣлѣ какъ не взвыть отъ этого:

Въ теченіе сегодняшней ночи (12 сент.) въ уголовную милицію поступило болѣе 400 заявленій изъ комиссаріатовъ о разгромахъ и кражахъ изъ квартиръ и помѣшеній обывателей.

Рис. Д. Митрохина.

Четыреста — за одну ночь!!

И даже самъ несчастный Драчевскій можетъ сказать словами гоголевской свахи:

— Да у меня пусть такіе и такіе полицейскіе были, общипанные, взяточники и всякіе, но чтобы четыреста кражъ за одну ночь — это прошу покорно!

Распоясались.

Революція углубляется:

Въ „столицѣ“ Урала — Екатеринбургѣ — второй мѣсяцъ длится забастовка типографскихъ рабочихъ, вслѣдствіе чего газеты временно прекратили свое существованіе.

Владѣльцы типографій выразили согласіе полностью удовлетворить всѣ экономическія требованія рабочихъ, но забастовки продолжаются. Союзъ рабочихъ печатниковъ требуетъ, чтобы даже сотрудники газетъ принимались съ согласія союза.

Странный контрастъ: называютъ себя эти рабочіе печатниками, а поступаютъ такъ, что заслуживаютъ только непечатнаго къ себѣ отношенія.

Морозъ по кожѣ.

Былъ такой мракобѣсъ публицистъ С. Шараповъ. Признаться, мы всѣ, — прогрессисты, либералы и радикалы — терпѣть его не могли и считали, что каждая его строка, каждое слово пропитаны самой отвѣвленной ложью, подтасовкой и извращеніемъ истины.

А теперь „Петрогр. Вѣд.“ раскопали одно изъ его старыхъ писемъ къ князю Андронникову:

Приходила ли вамъ когда-нибудь въ голову, князь, картина русской конституціи, русскаго парламента, русскихъ выборовъ, русскихъ отвѣтственныхъ министровъ, русской свободной печати, русскихъ митинговъ и клубовъ, русскаго партійнаго режима, русскаго партійнаго законодательства по западному образцу? Я себѣ это представлялъ, я пережилъ это мысленно, я твердо знаю, какъ и что это будетъ. Повѣрьте мнѣ на слово, что самая возмутительная стамбуловщина покажется дѣтской шалостью передъ тѣмъ, что будетъ у насъ. При нашей некультурности и необузданности, при нашей свободѣ отъ всякихъ традицій и нравственныхъ границъ, мы явимъ міру такое пѣвучительное зрѣлище „свободной страны“, что самые ярые либералы стануть вздыхать о временахъ Толстого, Сипягина и Плеве.

Морозъ по кожѣ, когда читаешь эти зловѣщія, какъ карканье ворона, строки.

Товарищи.

У всякаго министра, какъ извѣстно, есть товарищи министра.

Нашель себѣ таковыхъ и бывш. министръ труда М. И. Скобелевъ:

Министръ труда М. И. Скобелевъ обратился къ грузчикамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Товарищи-грузчики! Въ эти тяжелые дни, переживаемые нашей Родиной и революціей, къ вамъ обращаю я свой товарищескій призывъ.“

А дѣло, видите ли, въ томъ, что товарищи г. Скобелева, гг. грузчики драли въ день около 80 рублей съ носа.

Мы бы рекомендовали г-ну Скобелеву съ большимъ тщаніемъ выбирать себѣ товарищей.

Лапой за горло.

Жаль, что М. И. Скобелевъ ушелъ.

А то бы ему пришлось обратиться и съ такимъ воззваніемъ:

Товарищи желѣзнодорожные грабители!

Ибо вотъ что говорятъ данныя, собранныя инженеромъ М. Васильевымъ:

Въ областяхъ низшаго желѣзнодорожнаго труда, часто служатъ нѣсколько членовъ одной семьи, напримеръ, на переѣздахъ путей, сторожъ и его жена. Вслѣдствіе этого окладъ такой семьи вырастаетъ до 7,000 и болѣе въ годъ. Между тѣмъ, для служащихъ высокаго техническаго труда годовая окладъ составляетъ минимумъ 3,600.

Старый, опытный машинистъ получаетъ 200 рублей, а стоящая рядомъ

Все соль земли, да соль земли...
Вотъ поэтому-то Россіи такъ солоно и приходится.

ПЕРСИДСКАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

— Сколько ты за туфли заплатила?

— Очень дешево: 200 рублей.

— И это ты называешь — дешево?!!

— Ну, конечно. Въ Персіи сейчасъ нашъ рубль стоитъ чегыре колейки. Значить, туфли обошлись мнѣ 8 рублей. А до войны я платила за такія же — 12.

обтиральщица вагоновъ 250 рублей, мальчикъ-мастеровой 400—500 рублей и т. д.

Мы увѣрены, что если инженеръ, получающій 300 рублей, захочетъ поступить въ мальчики-мастеровые, Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ завопитъ:

— Буржуазія подкапывается подъ завоеванія революціи!

Аники-воины.

Группѣ Шлиссельбургскаго порохового завода, назвавшей себя „красной гвардіей“, было роздано для борьбы съ генераломъ Корниловымъ

около 250 винтовокъ, хранившихся въ арсеналѣ мѣстнаго совраб. и солд. депутатовъ

О степени организованности собравшейся въ походъ „красной гвардіи“ можно судить по тому, что на протяженіи 2-хъ верстъ пути отъ загода до пристани нечаянными выстрѣлами были ранены трое красногвардейцевъ.

Когда „гвардія“ прибыла въ Петроградъ, то оказалось, что ее никто не звалъ и никому она не нужна. Переночевали въ великомъ смущеніи и неудовольствіи въ нетопленномъ и сыромъ помѣщеніи казармъ 1-го пулеметнаго полка и отправились обратно.

На обратномъ пути при высадкѣ съ парохода на берегъ нечаяннымъ выстрѣломъ былъ убитъ одинъ красногвардеецъ.

Если бы Корнилову пришлось воевать только съ красногвардейцами, это была бы самая простая задача: подождать недѣлку, пока красногвардейцы сами перестрѣляютъ другъ друга, и вступить въ Петроградъ, не тратя пороху.

Изъ всего этого видно, что шлиссельбургскіе красногвардейцы не могутъ идти въ атаку сомкнутымъ строемъ, ибо каждый въ видахъ собственной безопасности долженъ находиться въ 2-хъ верстахъ отъ товарища...

ДВОРЦЫ.

Газетной лживой бѣготнѣ
Мы ежедневно платимъ дани, —
Но кто почувствуетъ вполнѣ
Трагедію старинныхъ зданій?

Какъ нынче Мраморный угрюмъ...
Едва ль спокоенъ пышный Зимній...
Отъ мрачныхъ обезсилѣвъ думъ,
Дворцы скорбятъ о плавномъ гимнѣ.

Пусть измѣнилъ солдатскій штыкъ,
Но имъ, огромнымъ, близки тѣни
Самодержавнѣйшихъ владыкъ —
Полузабытыхъ сновидѣній.

Вздыхаютъ: «Что жъ! Всему конецъ!»
И плачутъ въ горести невольной.
Молчитъ Таврическій дворецъ,
Но пылко негодуетъ Смольный.

«Растрелли и Гваренга здѣсь
Творили вдумчиво и четко —
И я теперь поруганъ весь,
Я плененъ косовороткой!»

Ему сочувствуя, поютъ
Въ унылой крѣпости куранты —
Въ тюрьмѣ послѣдній вашъ пріютъ,
Торжественные аксельбанты...

Дворцы тоскуютъ въ тишинѣ
Тѣней отверженныхъ Элизій
И Петръ на взвившемся конѣ
Тревожится о Парадизѣ.

Владиміръ Пруссакъ.

Поступила въ продажу книга

Аркадія Аверченко

„Подходцевъ и двое другихъ“.

Повѣсть.

СЛУЧАЙ.

Въ казначействѣ небольшого губернскаго города было тихо, сонно и скучно.

Кассиръ только что пересчиталъ присланную изъ Петрограда сумму новенькихъ, еще пахнувшихъ краской кредитокъ, вздохнулъ и сказалъ сосѣду:

— Печатаютъ!

— Ого-го! Оттого и бумаги нѣтъ на рынкѣ, всю отпечатали! Скоро на газетную перейдутъ.

Замолчали.

Въ эту минуту вошелъ какой-то человекъ въ чечучевомъ пиджачкѣ, въ соломенной шляпѣ, тихій, скромный и даже снялъ шляпу, что давно уже не дѣлали изъ демократизма посѣтителю казначейства.

— Что вамъ угодно?

— Хочу внести деньги! — сказалъ тихо посѣтитель.

Чиновники не поняли.

— Что?

— Хочу внести деньги — повторилъ человекъ въ чечучевомъ пиджачкѣ.

Это было до того необычайно, что всѣ чиновники обступили посѣтителя и молча смотрѣли на него.

Да, это было необыкновенно: вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ никто не вносилъ въ казначейство денегъ, а всѣ брали. Но вотъ явился добровольно, безъ конвоя, человекъ и хочетъ внести деньги:

— Въ чемъ дѣло? — строго спросилъ помощникъ дѣлопроизводителя и тихо шепнулъ кассиру:

— Можетъ быть, это ливушка? Экспроприация?

А человекъ, съ соломенной шляпой въ рукахъ, тихо, но твердо сказалъ:

— Съ меня причитается подоходный налогъ съ 3426 рублей — 48 рублей! Хочу заплатить.

Чиновники обалдѣли.

Одинъ изъ нихъ, юный, розовый канцеляристъ даже испугался:

— Сумасшедшій! — тихо сказалъ онъ.

— Или подвохъ! — шепнулъ кассиръ. — Вызовите милицію!..

— Такъ какъ же? — нетерпѣливо уже спросилъ посѣтитель. — Принимаете здѣсь налогъ или нѣтъ? — Я, извините, еще окладного листа не получилъ, но, прочитавъ воззваніе Правительства... Можетъ примите, а?..

Главный казначей подошелъ къ нему и тихо спросилъ:

— Вы это серьезно?

— Что?

— Это самое? Налогъ? Или, можетъ, шутка надъ нами? Документы?!..

— Да что вы? Вотъ и деньги, 48 рублей! Прошу квитанцію...

Всѣ бросились за работу. Уже давно такъ не кипѣла работа въ казначействѣ.

Одинъ выписывалъ квитанцію, другой считалъ деньги,

третій готовилъ марку, четвертые просто обступили посѣтителя и, молча съ нѣмымъ восхищеніемъ, смотрѣли на него.

Юноша канцеляристъ даже за рукавъ его потрогалъ:

— Живой ли?..

И спросилъ:

— И какъ это вамъ въ голову пришло? Знаете ли, вы единственный! Вы національный герой...

— Не, я бакалеей занимаюсь. Вчера читаю: «родинѣ грозитъ банкротство», — дай, думаю — внесу!

— Боже мой, какая великая русская душа. Сколько патриотизма, сколько экстаза революціонности...

— Готово! Извольте получить квитанцію. Спасибо.

— Не на чемъ-съ!

— Нѣтъ, нѣтъ, отъ имени великаго русскаго народа...

* * *

И долго еще чиновники вспоминали:

— Это тогда было, когда Еремѣевъ подоходный налогъ внесъ! — говорилъ одинъ.

— А... а... помню... — прояснялся другой!

Незнакомецъ.

РАЗВѢ БЫЛО.

Опустѣлый теннисъ. Мокрая насѣдки.
Въ желтыхъ иглахъ сосенъ

Всѣ дорожки парка.

Развѣ было лѣто? Развѣ было жарко?

Развѣ были встрѣчи въ розовой бесѣдкѣ?

Осень.

Хочется глициній, миндаля, магнолій,

Ароматовъ сладкихъ, знойныхъ, небывалыхъ.

Я отъ зимъ и осеней устала,

Я больна отъ мухъ, отъ комаровъ, отъ моли...

Гдѣ весна не вянетъ?

Гдѣ вѣнчаннй солнцемъ Панъ не умираетъ?

Я тоскую по Великомъ Панѣ,

По земномъ, грѣховномъ, но чудесномъ раѣ.

Я хочу луны, такой простой и старой,

Блѣдныхъ дамъ въ душистыхъ кружевахъ старинныхъ,

Удали, вина и пѣсенъ подъ гитару,

Бабушкиныхъ сказокъ у камина.

Пусть я буду въ локонахъ и въ шубкѣ,

Пусть меня увозитъ лѣшій дѣдъ

Въ золотой каретѣ изъ скорлупки, —

Пусть мнѣ будетъ восемь лѣтъ!

Лидія Лѣсная.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

5-й годъ
изданія.

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ 1-го Октября по 1-е Января 1918 года **2** рубля за каждый мѣсяць.

Подписка на журналъ до Октября по **1** р. **50** коп. въ мѣсяць.

ЦѢНА за объявленія — непарель строка 2 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

О. С. И—чикъ. — На первое время посылаю редакціи четырнадцать рассказовъ.

У Крылова объ этомъ событіи сказано такъ
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ;

Изъ четырнадцати рассказовъ намъ больше всего понравился пятнадцатый. Догадайтесь — почему?

Гузинаки (Верейская ул.) — Этотъ туземецъ клеймитъ большевиковъ мѣткими эпиграммами:

Вотъ Зиновьевъ — ахъ, злодѣй,
Онъ обманываетъ всѣхъ людей.

Очень язвительно. Безпощадно продернуть и Ленинъ:

Въ plombированномъ вагонѣ онъ прѣхалъ
И Керенскому лишь служить помѣхой

Тонкій выпадъ.

Такія все хорошія эпиграммы, что мы вамъ, Гузинаки, прямо таки удивляемся, почему вы ихъ отдаете въ чужія руки? Держали бы при себѣ.

Б. Провинція.

Кисловодскъ. Огурцову. — Огурцовъ рѣшилъ порадовать насъ: „Я въ своихъ вещахъ никому не подражаю. Лучше пить изъ маленькаго стаканка, да изъ своего!“

А вотъ онъ, этотъ огурцовскій „маленькій стаканъ“:

„Я впился острымъ глазомъ (?) въ горизонтъ, въ которомъ рѣветъ (?) какая-то точка. У ногъ моихъ расположился широкій океанъ“.

Точный адресъ океана... Гдѣ находится океанъ? У ногъ господина Огурцова. Расположился и лежитъ. Отойдя Огурцовъ отъ берега, какъ тогда найдемъ мы океанъ?

Нѣтъ, господинъ Огурцовъ. Не нравится намъ вашъ стаканъ.

Ст. Дергачи. Вортеп'у. — „Мнѣ интересно, — спрашиваетъ любознательный Вортепъ, — сколько лѣтъ всѣмъ „Сатириконцамъ“?..

Можемъ сообщить совершенно точно: 543.

Ave.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

Рис. Б. Антоновскаго.

ЗАЩИТНИКЪ.

— А что у васъ въ Петроградѣ милиціонеры — народъ обходительный?

— Какъ же! Обходительный. Стараемся, какъ можно дальше обойти...

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:
Дешевая юмористическая бібліотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —

Аркадій Аверченко.

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальные выпуски Дешевой бібліотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральнoй крысы.

Человѣчки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятiе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія.

Цѣна каждаго выпуска — 20 коп. — Книготорговцамъ — скидка обычная.

Новая книга.

Бор. Мирекій.

„КРАСНЫЙ РЕПЕЙНИКЪ“

(Памфлеты революц. дней.)

Цѣна 75 коп.

Арк. Бухова.

„ТИХІЯ НЕПРІЯТНОСТИ“.

рассказы.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

А. Аверченко.

Подходцевъ и двое другихъ

Повѣсть.

Цѣна 3 рубля.

Наконецъ-то, въ російской революціи воцарилась гармонія!

А. Кацова